

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Источник. Событие. Факт

В нашей вступительной лекции мы в самых общих чертах затронули вопросы взаимоотношения истории, памяти и общественного сознания. Мы будем постоянно возвращаться к этому «магическому треугольнику», но сейчас мне хотелось бы вам напомнить об одном из центральных тезисов прошлой лекции – указать на отсутствие единого представления о сути истории, ее целях, критериях достоверности. Историческое знание, как вы поняли, является отражением эпохи, производящей это знание; говоря несколько абстрактно, это не только слепок того прошлого, к которому оно обращается, но и мысли настоящего о самом себе.

В этой и следующей лекциях мы поговорим о проблематике, связанной с написанием истории. Мы покажем, в какой степени изменения в понимании того, что является источником, отражаются в ремесле историка, насколько неоднозначным является понятие события и факта, и что связывает историю с литературой.

Итак, история исходит из стремления создать связное повествование о прошлом и одновременно понять его смысл. Однако авторы руководствуются различными представлениями относительно того, как должен выглядеть рассказ о прошлом, каким правилам он подчинен, к каким культурным ценностям отсылает читателя, каковы цели исторического труда.

Эти различия проявляются в различном отношении к историческим источникам, то есть к тем свидетельствам прошлого, на основе которых историки и пытаются восстановить его образ. Вопрос об источниках – один из наиболее принципиальных вопросов исторической науки, так как именно то, что в представлении историков входит в круг источников, определяет форму и содержание результатов их деятельности.

Без источников история невозможна. Но что же считать источником? Какие источники считать более достоверными, а какие менее?

Ответы на эти вопросы менялись со временем и с эволюцией самой исторической науки.

Долгое время бытовало мнение, что источниками могут быть только письменные свидетельства, поэтому история начиналась лишь с появления методов фиксации информации. При этом считалось, что письменность придает сведениям определенность, а устный рассказ слишком зависит от личности рассказчика.

Это обусловило предвзятое отношение как к устным культурам в целом, так и к их способу сохранения памяти о прошлом посредством передаваемых устно легенд и преданий.

Ситуация изменилась в XX веке в связи с переменами, произошедшими в антропологической науке. Работающие с дописьменными культурами антропологи обнаружили, что устная традиция может иметь гораздо более устойчивый характер, чем ранее предполагалось, поскольку она опирается на строгие каноны. В работе с производными устной традиции основное внимание должно уделяться не личности рассказчика, а тому формальному коду, жанровому алгоритму, в соответствии с которым создаются, сохраняются и передаются из поколения в поколение устные сведения о событиях прошлого.

Реабилитации устной традиции в качестве источника исторических свидетельств сопутствовали и другие явления, поменявшие представления историков о том, что может лечь в основу повествования о прошлом. В XX веке самым драматичным образом расширились границы предмета изучения истории – к господствующим долгое время политике, дипломатии и экономике добавились такие сферы, как быт, экология, человеческое тело. Список можно продолжить, что и будет нами сделано в дальнейших лекциях, но суть заключается в том, что с новыми сферами исследования перед историками встали новые задачи. Разрешение этих задач стало возможным только благодаря вовлечению новых источников – и зачастую невербальных.

Так, историк, исследующий торговые пути, соединяющие раннюю средневековую Европу с остальным миром, может прибегнуть к химическому анализу использованных хронистом чернил, чтобы определить их происхождение. Исследователь нравов буржуазии Голландской республики XVII века может и должен опираться на живопись того периода. В исследованиях тех культурных и интеллектуальных перемен, что коснулись государств за пределами Европы в эпоху колониальной экспансии, можно сопоставить изданные в разные периоды карты, это даст возможность усмотреть правила, по которым сосуществовала совокупность традиционных знаний с новыми представлениями о пространстве.

Одним словом, то, каким источником историк пользуется, зависит от поставленного им вопроса. Нельзя более говорить о некой иерархии источников, о преимуществе документов официального происхождения над остальными, как это было в период господства позитивистской школы в XIX веке.

Определение круга источников представляет собой первый шаг на пути к написанию исторической

работы. Необходимо научиться «читать» доступные источники, то есть понять ту систему ценностей, внутри которой и был произведен определенный источник, а затем перевести его на язык, понятный современникам.

Как извлекать информацию из источника? Несмотря на то, что один и тот же источник может быть прочитан совершенно по-разному, и что правильного прочтения не существует, мы можем схематически обрисовать процедуру, коей следует большинство исследователей в работе с первичным материалом.

Приступая к работе, историк в первую очередь расшифровывает и осваивает текст. Он устанавливает происхождение источника и его подлинность. В этом ему помогают такие дисциплины как палеография, эпиграфика, текстология, сфрагистика, дипломатика и прочие.

Далее историк переходит к установлению полноты, достоверности и точности сведений. Он проводит так называемую внутреннюю критику источника, процесс, известный как герменевтика. Ему необходимо максимально близко восстановить оригинальный смысл документа, ведь слова и символы, дошедшие даже до наших дней, могли иметь совершенно другое значение в прошлом. Слово «нация» на заре нового времени относилось к организованным по регионам студенческим корпорациям в европейских вузах, а не к тем «воображаемым сообществам», о котором писал в 80-е годы один из главных теоретиков национализма Бенедикт Андерсон.

То же можно сказать и о представлении о правдивом. То, что автор источника мог считать за правду, современному обывателю может показаться вымыслом. Нельзя упускать из виду и цель, преследуемую автором в создании источника.

При прочтении источника многое может быть навсегда утраченным. И это даже не результат отсутствия соответствующих лингвистических навыков. Культуры прошлого могут быть во многом для нас ментально недоступными, а как следствие, недоступными могут быть и значения, приписываемые ими словам, символам, явлениям.

Тем не менее, историк сопоставляет разные источники и складывает их, как фрагменты пазла в единую картину. Картина может быть полна брешей, но именно здесь на помощь приходит анализ и сформированная опытом историческая интуиция.

В создании внутренне последовательного повествования о прошлом историк оперирует ключевым понятием события. В обыденном сознании это понятие редко вызывает споры; событие – это то, что свершилось.

Однако, что считать за свершившееся? И что из свершившегося следует считать заслуживающим внимания историка?

Грубо говоря, существует две школы интерпретации события: реалистическая и конструктивистская.

Реалисты считают, что свершившееся – это то, что «реально» произошло и что неизменно зафиксировано в источниках.

Конструктивисты же утверждают, что события не существуют отдельно от исследователя. Исследователь собирает какие-то факты в единое целое, придавая этому целому событийный статус.

Другими словами, если реалисты утверждают, что события, произошедшие в прошлом, доступны благодаря источникам, и что функция историка заключается в трансляции и анализе этих событий, то конструктивисты отрицают возможность такой непосредственной связи с прошлым, а потому прошлое есть во многом конструкт исследователя.

В конце концов, то, что считать событием, зависит от используемых источников и от жанра, в котором работает историк. Событие может быть единовременным действием, зафиксированным в письменных материалах, может быть и длительным процессом, каковым является индустриальная революция, а может быть и явлением, скрытым от глаз современников, и обнаруженным – открытым, или даже сконструированным историками много лет спустя.

Если событие есть нечто произошедшее, пусть даже и незаметно для современников, то фактом можно считать утверждение о событии.

В период консолидации истории в академическую дисциплину, где-то на рубеже XVIII и XIX веков «факт» в образе прошлого приобрел чуть ли не сакральный статус. Историки-позитивисты видели в своем ремесле выявление фактов из нагромождения вымыслов, легенд, тривиальностей и прочего. Сама структура факта не вызвала вопроса, как атом в природе, факт воспринимался как неделимая

составляющая прошлого, осязаемый кирпич, из которого строилось здание истории.

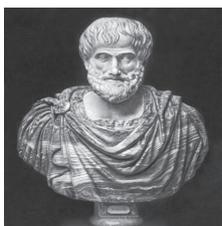
Однако за последние столетия понятие факта перестало быть однозначным и очевидным. Историки и философы науки показали, что факт – это не кантовская «вещь-в-себе», а продукт работы исследователя, обобщение, сделанное на основе представлений об «исторически важном» и «второстепенном». Вопросы, задаваемые историком, его личные пристрастия, социальные воззрения, теоретические представления – все это оказывает влияние на содержание и положение факта в историческом повествовании.

Несмотря на некую относительность понятий факта и события, их зависимость от общих представлений о сути и цели истории считается, что история все равно должна стремиться к тому, чтобы дать именно объективную картину прошлого. В этом расхожем мнении заключается фундаментальная разница между историей и литературой. История имеет отношение к действительности, литература – к вымыслу.

Но можно ли четко провести границу между реальностью и вымыслом? Если эта граница и существует, то она лабильна и постоянно смещается то в одну, то в другую сторону. Здесь можно вспомнить воспринимаемое в средневековых хрониках как реально произошедшие чудеса, что в глазах тех же позитивистов XIX века были чистым вымыслом.

Связь истории с литературой более органична, чем может показаться на первый взгляд. И дело здесь в том, что текст является альфой и омегой как для литературы, так и для истории. Историк начинает с текста источника и затем строит собственный текст. Его труд – это тоже литературное произведение, написанное в соответствии с жанровыми правилами и с использованием литературных приемов.

О том, что история немыслима без литературы было известно еще в Античности.

Считалось, что все виды словесного творчества (устного или письменного, поэтического или прозаического) представляют собой разные типы мимесиса. (гр. *mimesis* – подражание). Аристотель в своей поэтике говорил, что «историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей), нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть... Ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном.

Общее есть то, что по необходимости или вероятности такому-то характеру подобает говорить или делать то-то... А единичное – это, например, то, что сделал или претерпел Алкивиад».

Ни римляне, ни греки не видели противоречия между правдивым описанием фактов и их художественным изложением. Наглядность и способность представить перед читателем важный пример для подражания, считались главными добродетелями автора исторических сочинений. Именно поэтому большую роль в занятии историей играла риторика – искусство живописной и убедительной презентации материала.

Античные авторы ценили драматический потенциал, скрытый в исторических событиях. Такое отношение к истории, как к драматической хронике, призванной возбудить высокие чувства, побудить читателей к самосовершенствованию, сохраняется в эпоху Просвещения. Исторические работы Вольтера, посвященные правлению Людовика XIV читаются именно в таком ключе, как назидательные литературные произведения со своими основными сюжетными линиями и анекдотическими отступлениями.

И хоть с началом XIX века историю уже не считают ни частью риторики, ни частью литературы, она не утратила своих литературных качеств, просто на смену одним приемам пришли другие.

История и литература обнаруживают тесную связь и сейчас. Трудно не заметить стилистического сходства между многотомными трудами историков-позитивистов и романами-эпопеями в духе Бальзака или Толстого. Проект многослойной и структурной истории, предложенный французской школой Анналов, перекликается с произведениями современных Анналов модернистов – Роберта Музиля, Джеймса Джойса, Марселя Пруста.

Взаимодействие двух видов творчества далеко не случайно; теоретически оно нашло свое осмысление в работах «новых интеллектуальных историков».

Вышесказанное позволяет нам снова установить неоднозначность истории, как дисциплины. История – это наука со своей, пусть и заимствованной методологией, и со своими целями. Историческое знание зависит от творческого подхода самого историка, от вопросов, поднимаемых им, от его восприятия реальности и его, безусловно, литературных дарований.

Книга: История исторического знания

Лекция: Источник. Событие. Факт

Историк ищет знание и производит это знание одновременно.